

И. Е. Прохорова

П.А. Вяземский и развитие «халатной темы» в русской литературе

Аннотация

Статья посвящена истории многолетней разработки в лирике П.А. Вяземского темы халата, начало которой было положено два века назад стихотворением «Прощание с халатом» (1817) и продолжено в стихотворениях «На прощание» (1855), «Привычка» (1876) и «Жизнь наша в старости – изношенный халат...» (1874–1877). В фокусе внимания исследователя – разные векторы осмысления образа халата и «человека в халате», в том числе творческие диалоги Вяземского со знаменитым предшественником Д. Дидро и младшим современником И.А. Гончаровым.

Ключевые слова: П.А. Вяземский, тема халата, Дидро, И.А. Гончаров, возможности и перспективы «человека в халате».

P.A. Vyazemsky and the development of “the topic of the robe” in the Russian Literature

Abstracts

The article is devoted to the history of the long-term work on the topic of a robe in P.A. Vyazemsky's lyrics the beginning of which was laid two centuries ago by the poem "Farewell to the robe" (1817) and then continued in the poems "In Farewell" (1855), "Habit" (1876) and "Our Life in Old Age – a worn robe..." (1874-1877). The researcher focuses on different vectors of comprehension of the image of a robe and «a man in a robe», and of course, the corresponding creative Vyazemsky's dialogues with his famous precursor Diderot as well as with his younger contemporary I.A. Goncharov.

Key words: P.A. Vyazemsky, the topic of a robe, D. Diderot, I.A. Goncharov, opportunities and perspectives of «a man in a robe».

В 2017 году исполнилось 225 лет Петру Андреевичу Вяземскому и 200 лет его стихотворению «Прощание с халатом», по сути положившему начало богатой «халатной теме» в русской литературе. Написанное в Остафьеве в ожидании отъезда на службу в Варшаву («русскую за границу»), оно было опубликовано уже после возвращения автора домой в 1821 году в довольно широко тогда распространенном и либеральном по духу петербургском журнале «Сын отечества». Однако особый статус Вяземского в формировании многосложной семантики образа халата связан не только с этим произведением, по жанру – своеобразным дружеским посланием в горацянском духе, вполне характерном для раннего Вяземского¹, как и для всего его арзамасского круга.

Не менее, а может быть, даже более значимым в этом отношении оказывается обращение поэта к образу халата в одном из лучших его последних произведений – в глубоко философском стихотворении «Жизнь наша в старости – изношенный халат...» (1874-1877), увидевшем свет спустя почти 20 лет после смерти Вяземского, в 12-м томе его полного собрания сочинений. Однако и этими двумя важнейшими лирическими высказываниями не исчерпывается «халатная тема» в поэзии Вяземского. При ее анализе необходимо остановиться ещё как минимум на двух стихотворениях – «На прощание» (1855) и «Привычка» (1876).²

Разумеется, образ халата в лирике Вяземского не обойден вниманием исследователей и продолжает оставаться на повестке дня. Так, на XXII Лотмановских чтениях «Семиотика поведения и литературные стратегии» в 2014 году доклад Т.Н. Степанищевой о «двух халатах» Вяземского спровоцировал бурную дискуссию и предложение провести специальную конференцию... по «сравнительному халатоведению»³. Хотя докладчик, судя по видеопубликации на сайте конференции, вполне традиционно рассматривал «халатную тему» у Вяземского в основном на материале двух стихотворений («Прощание с халатом» и «Жизнь наша в старости – изношенный

халат...»), было отмечено и упоминание о халате в стихотворении «На прощание». Однако всё сказанное, думается, пока не дает достаточно полного и целостного представления о Вяземском как своего рода законодателе «халатной моды» в русской литературе.

Так, неоднократно указывалось, что лирического героя «Прощания с халатом» со всеми поклонниками домашнего «наряда» свободного покроя объединяет устремленность к внутренней независимости и жизни в мире мечты, и это осмысливалось ими как антитеза служебной суете в погоне за чинами и богатствами. Вместе с тем для более полного понимания стихотворения Вяземского стоит в большей мере учитывать обстоятельства, в которых оно создавалось, и собственно описанную в нем ситуацию.

Нам уже доводилось отмечать⁴, что стихотворение 1817 года передает тревожно-грустные (но не трагические) переживания автора накануне лишь отчасти вынужденного по материальным и статусным соображениям (на необходимости учитывать их настаивали и друзья поэта) возвращения на государственную службу. В жертву приносилась привольная жизнь неслужащего дворянина, для Вяземского неразрывно связанная с достаточно интенсивной деятельностью литератора, несмотря на многочисленные тогда его поэтические жалобы и опасения творческой несостоятельности (о чем свидетельствует и упомянутое нами послание «К перу моему»). Не случайно в «Прощании с халатом» возникает сопоставление с Анакреоном – «бессмертным <...> неряхой», «другом красоты и Вакха», «муз баловнем», который «в халате пил и пел»⁵. Лирический герой Вяземского с грустью расстается с халатом, ценя в нем атрибут не просто свободной поэтически-мечтательной жизни, но жизни творчески деятельной.

Именно поэтому «спетое» в халате Вяземский, в отличие от мечтателей – убежденных дилетантов⁶, изначально планировал представить публике. «Прощание с халатом» значилось среди приготовленных им произведений для Арзамасского журнала, который он с единомышленниками

задумывал как энциклопедическое издание европейского типа в России. А когда их проект не состоялся, поэт, несмотря на то что не относился к «чадолюбивым» авторам (выражение Вяземского), инициировал выход стихотворения в единственном более или менее авторитетном для него тогда журнале. Вынужденно отложенная публикация случилась в новой для автора ситуации – уже после отставки в 1821 году – и закономерно актуализировала в «Прощании с халатом» пророчество служебных невзгод, но об этом чуть ниже.

Существенно для понимания замысла стихотворения то, что «прощание с халатом» для самого автора было лишь отчасти нежеланным. В. Перельмутер в биографии Вяземского небезосновательно писал, что в 1817 году тот завершал «вольный» период «предисловия к жизни» с «большими надеждами на будущее», сделав всегда непростой для поэта выбор в пользу отказа от уединения в «однообразном, но тихом мире». Правда, цитируя «Прощание с халатом», биограф отметил в нем настроения печали и тревоги, но связал их прежде всего с признанием Вяземского в том, что в его решении о службе была уступка «заманчивым сетям» честолюбия⁷. Причем ни автор стихотворения не посчитал нужным оговорить, какого рода честолюбию тогда он действительно не был чужд, ни исследователь не стал специально останавливаться на этом вопросе.

Между тем важно, что честолюбию Вяземского предстояло реализовываться в столице недавно образованного Царства Польского, где должны были апробироваться серьезные государственно-политические реформы в европейски либеральном духе. Это не могло не вселять энтузиазм в молодого вольнолюбивого «русского европейца», каким Вяземский в те годы себя ощущал и любил себя позиционировать, например, в переписке с арзамасцами. Такая служба – переводы на русский язык речей Александра I о «законно-свободных» институтах в Польше, текста польской конституции, участие в подготовке конституции для всей России – могла «заманить» любого свободолюбца.

Хотя в «Прощании с халатом» акцентировано иное, но также вполне естественное в описываемой ситуации настроение – настороженность по поводу вступления «новичка» в пространство официально регламентированных отношений и «забот лихих» чиновничьей жизни. Отсюда грусть при расставании с «уступчивым убором», позволявшим мысли «носиться на просторе с надеждою и памятью втроем»⁸. Но, несмотря на изначальные опасения и действительные трудности положения чиновника, Вяземский сумел проявить себя активным, достойным и притом довольно долгое время пользовавшимся определенным доверием начальства сотрудником варшавской канцелярии Н.Н. Новосильцева. Более того, как свидетельствуют письма Вяземского друзьям и дошедшие до нас произведения, поэтический халат тоже оказался востребован в его варшавском гардеробе.

Вместе с тем не стоит преуменьшать и разочарования Вяземского на служебном поприще. Об этом можно судить, например, по письмам Н.М. Карамзина (близкого родственника и наставника Вяземского после смерти его отца), в которых неоднократно проскальзывало сожаление по поводу недостаточности поощрения начальством его подопечного⁹. Сам же Вяземский, судя по его письмам А.И. Тургеневу, в большей степени был расстроен неспособностью и/или нежеланием высшей власти воплощать в жизнь свои либеральные обещания и именно поэтому, не желая «потакать <...> ненавистному ходу вещей», гнушался быть «в списке ливреи»¹⁰, подумывая об отставке.

Так, в переписке уже получившего определенный опыт чиновника отозвалось ключевое для «Прощания с халатом» противопоставление халата «гостиной ливрее»¹¹. В стихотворении же упоминание об этом костюме включено в откровенно сатирический образный ряд: «прислуженцы властей», «золотой, но тягостный ярем», «ярмо взыскательной тщеты». При таком уровне заведомого неприятия бюрократической сферы закономерно появление в стихотворении печального предсказания

неудачи на служебном «пути, где под туманом свет истины не различишь с обманом». Понятно, что эти пророческие строки вызывали особое чувство у читавших их в 1821 году и знавших об опале Вяземского.

В финале стихотворения сюжет тревожного «прощания» с другом-халатом обогащается мотивом спасительного возвращения в его «объятия»¹². Благодаря этому семантическое поле образа халата расширяется. Теперь халат символизирует ещё и столь нужный при жизненной катастрофе «запасной аэродром» (сказали бы мы сейчас), где можно забыть о неудачах и вновь обрести душевное равновесие – «бывалого себя в себе найти»¹³. Правда, насколько оправданно предположение, что этот мотив появился у Вяземского лишь в 1821 году, когда его либералистская деятельность в Варшаве завершилась тяжело им воспринятой отставкой, судить трудно. Сохранившиеся и приведенные в цитированном издании 1986 года черновики стихотворения, готовившегося к печати как раз в 1821 году¹⁴, полной ясности не дают.

Целостный анализ «халатной» темы у Вяземского, как указывалось выше, невозможен без его стихотворения «На прощание». Написанное в 1855 году на Лесной даче под Петербургом и напечатанное почти двадцать лет спустя в известном сборнике «Складчина» (СПб, 1874), оно органично вошло в «поэзию старости» Вяземского, для которой характерно обращение к мотивам, заявленным ещё в ранней лирике. В данном случае поэт вернулся к мотиву обретения душевного равновесия, которое возможно только в отдалении от мирской суеты, где человек находит «бывалого себя в себе» самом¹⁵, где его «я <...> цел и ненарушим»¹⁶. Но если в финале «Прощания с халатом» лирический герой, опасющийся разочарования в службе, предполагает и счастливое спасение «в объятиях» поэтического халата, то «история» лирического героя более позднего стихотворения драматичнее.

Это пожилой человек, убежденный в «ненадежности» жизни в целом и опасющийся любых перемен. Привычка для него выступает своего рода «страховкой» от «треволнений жизни», и только в «среде привычной» для

него могут слиться воедино «природы мир и мир <...> задушевный»¹⁷. В центральной части стихотворения появляется выразительная формула: «Когда мой ум в халате, сердце дома, / Я кое-как могу с собою ладить», отстраняясь от «ничтожных дел и важного безделья»¹⁸. Халат выступает символом исключительно привычного домашнего покоя, необходимого для «старожила», ищущего уже не только независимости от требований «ливреи», но и глубинной психологической гармонии и стабильности, единства «внутреннего и внешнего» я, что лишь «кое-как» достигается и человеком «в халате».

Интересно, что лирический герой Вяземского здесь как будто вступает в полемику с ещё не написанным в 1855 году Обломовым (владельцем, как известно, самого знаменитого в русской литературе халата), которому предстоит размышлять о том, что штольцевское требование «идти вперед» – это значит сбросить халат не только с плеч, но и с души, с ума»¹⁹.

В этом пассаже «ум в халате» имеет бесспорно негативные коннотации. Конечно, авторские интенции Гончарова в романе «Обломов» и Вяземского в стихотворении «На прощание» сильно отличаются. Поэт отнюдь не претендовал на выстраивание глобальной поведенческой модели, тем более что жизнь его лирического героя, «на запад свой склоняясь<...> / К урочной цели совершает путь»²⁰. На первый план для него выходит проблема «сойти спокойно в внутреннюю келью» перед смертной дорогой. Гончаровский же Обломов в расцвете лет поставлен перед принципиально иным вопросом – «Идти вперед или остаться?», и он вполне обоснованно кажется герою «глубже гамлетовского»²¹. И всё же почти одновременное обращение поэта и романиста к мотиву «ума в халате» представляется заслуживающим внимания, особенно в свете их постоянных контактов, служебных и отчасти литературных, во время завершения романа Гончаровым.

В 1870-е годы Вяземский, продолжая работать над «поэзией старости», очевидно, посчитал важным и далее вести диалог со своим ранним творчеством на «халатную» тему, но теперь поэт мог учитывать и опыт её разработки

Гончаровым. Правда, точных сведений о непосредственном знакомстве Вяземского с «Обломовым», увидевшим свет в 1859 году, до сих пор нет. Тем не менее сопоставительный анализ позволяет говорить о явных переключках с романом Гончарова двух произведений Вяземского – «Жизнь наша в старости – изношенный халат...» (1874-1877) и «Привычка» (1876)²².

Стихотворение «Привычка», увидевшее свет лишь в 1935 го- ду и по сути забытое исследователями, во многом развивает идеи рассмотренного выше стихотворения «На прощание». Нетрудно заметить и сходство желанной для лирического героя «Привычки» поведенческой стратегии – жить исключительно «в ленивой мудрости и на людях, и дома» сегодня, как вчера, – с установками Обломова. Вместе с тем в «Привычке» появляется новый акцент – на нереализуемости этой «программы» даже в старости: «Но люди и судьба мне не дают покоя /<...> И жизнь срывает с плеч обычный свой халат»²³. Впрочем, похожим образом жалуется на постоянные заботы и беспокойства и Обломов: «Ах, Боже мой! Трoгает жизнь, везде достает»²⁴. Однако в отличие от лирического героя Вяземского, эти восклицания, как иронически комментирует Гончаров, не мешали Обломову продолжать лежание в халате на диване.

Обломовская «халатная жизнь» не удается лирическому герою «Привычки», а для лирического героя стихотворения «Жизнь наша в старости – изношенный халат...» она, видимо, и мало привлекательна²⁵. Между тем в начале этого стихотворения Вяземский актуализировал признание Обломова, уже после окончательного погружения в обломовщину на Выборгской стороне, в ответ на призыв Штольца бросить старый халат, который «весь в заплатках», – «Привычка, Андрей, жаль расстаться»²⁶. Впрочем, не исключено, что поэт не осознавал почти дословную переключку, когда писал: «Жизнь наша в старости – изношенный халат: / И совестно носить его, и жаль оставить»²⁷. Зато, думается, он четко понимал, что и в этой его модели халата больше различий, чем черт сходства, с «домашним костюмом» Обломова из «персидской материи,

настоящим восточным халатом, без малейшего намека на Европу»²⁸.

На разработку Вяземским темы «старого халата», как уже много раз указывалось, повлиял переведенный им ещё в молодости, в 1822 году, прозаический отрывок Д. Дидро «Сожаления о моем старом халате, или Совет тем, у кого больше вкуса, чем денег» (1772). Причем, с нашей точки зрения, влияние французского просветителя, который прославлял преимущества не просто привычного, разношенного халата перед новым и потому «тугим», но и «предупредительность» кабинетной одежды (ведь даже пятна «изобличали» в её хозяйине «писателя, трудящегося человека», вынужденного иногда и перо на ней испробовать²⁹), в равной степени ощущается в стихотворениях Вяземского 1817 и 1874-1877 годов.

Вместе с тем как в отношении к предшественникам – прозаикам Дидро и Гончарову, так и в отношении к собственным лирическим высказываниям почти 60-летней давности автор стихотворения «Жизнь наша в старости – изношенный халат...» творчески оригинален. Здесь халат «в лохмотьях» предстает пластически и психологически емким символом «жизни в старости» (с ударением на обоих словах!), которая вызывает у лирического героя комплекс противоречивых чувств – стыда и привязанности, презрения и жалости, гордости и горечи. Дополнительные описательные детали, напоминающие о халате Дидро («пятна чернил», которые дороже «узоров»³⁰), делают халат живым героем стихотворения.

В последних строках поэт вводит довольно неожиданное в контексте доминирования в поздней лирике Вяземского настроений хандры и частоты признаний типа «Я жить устал – я прозябать хочу»³¹ сравнение старого халата с боевым плащом, пострадавшем в битве: «И, как боец свой плащ, простреленный в бою, / Я холю свой халат с любовью и почетом»³². Благодаря этому в теме халата появляется новое ценностное измерение. Правда, намек на восприятие халата как «брони», защищающей лирического героя от разнообразных невзгод внешнего мира, содержался еще в «Прощании с халатом» и в «Привычке». Но если в них лишь

намек на защитную броню, то в стихотворении «Жизнь наша в старости – изношенный халат...» ассоциация с броней обретает новый смысл.

Сравнение халата с «простреленным» плащом акцентирует два дополнительных содержательных момента. Во-первых, утверждаются активные боевые качества его обладателя (понятно, что бой здесь мог пониматься очень широко, в том числе как битвы литературные, интеллектуальные – недаром ученые в Средние века облачались именно в плащи). Во-вторых, звучит напоминание о тяжелой, но достойной участи «халата-плаща» лирического героя. Старый халат у позднего Вяземского, таким образом, олицетворяет «жизнь в старости», несмотря на все её «ущербы», сохраняющую память не только о мирных творческих занятиях, но и о борьбе как важнейшей составляющей бытия. Такой халат отличается и от халата Дидро, не говоря об обломовском.

Итак, Вяземский, по сути, первым начал широкую разработку «халатной темы» в русской литературе два века назад и в той или иной мере развивал её на протяжении почти шестидесяти лет, вступая в своеобразные творческие диалоги как со знаменитым предшественником – Дидро, так и со ставшим не менее знаменитым (по крайней мере, в России) младшим современником – Гончаровым. Любопытным представляется и то, что образ «человека в халате» в лирике Вяземского с его стремлением к внутренней независимости вкупе с творческой активностью и склонностью к размышлениям, видимо, отчасти сродни образу, который в современной публицистике пытается воплотить А. Невзоров: «...не забывайте, что я все-таки человек в халате, а не в пижаме – это большая разница»³³.

С годами лирический герой стихотворений Вяземского, связанных с темой халата, менялся вместе с этим образом, глубже всматривался в себя и свой «наряд», переживая жизненные кризисы и разочарования, старел и одновременно оказывался способен точнее оценивать жизнь, в частности «жизнь в старости», во всей её противоречивости. С годами менялась и интонация

стихотворений: за дружеским объяснением в любви к халату, охраняющему привольную жизнь и поэтический настрой своего хозяина – эпикурейца, и соответственно «оппозиционному» чиновничьей «ливрее» («Прощание с халатом»), следовали философские размышления о ха-

лате «старожила», призванном дать ему прежде всего душевное равновесие, ощущение домашнего покоя и стабильности («На прощание»), но зачастую не способном противостоять «треволнениям» жизни («Привычка»). Итоговым в рассмотренной «серии» стихотворений можно считать ярко метафорическое «Жизнь наша в старости – изношенный халат...», в котором представлен и принципиально новый вектор осмысления темы «старого халата». Он оказывается атрибутом не просто мечтательно-творческой жизни, ведь поэт готов сравнить свое отношение к нему с любовью бойца к «простреленному» в битве плащу.

¹ Ср., напр., с созданным чуть раньше посланием Вяземского «К перу моему», в котором тоже ключевым стал мотив прощания; правда, в данном стихотворении с первых же строк заметна интонация шутки, а завершается оно ироничным признанием невозможности «расстаться» с пером (*Вяземский П.А. Стихотворения*. Л., 1986. С. 91-95).

² В этой связи любопытны подсчеты Н.Л. Васильева и Д.Н. Жаткина, утверждающих, что слово «халат» появляется в максимально полном учтенном ими корпусе стихотворений Вяземского 12 раз (с предложенным ими разделением по периодам: 7-1-4). См. об этом: *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского* (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений). М., 2015. С. 218.

³ <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/132/48l.html> (дата обращения – 31.08. 2017).

⁴ См.: *Образ халата и образ жизни в лирике П.А. Вяземского // PRO=3A 3: Предмет*. Смоленск, 2005. С. 124-126.

⁵ *Вяземский П. А. Стихотворения...* С. 110. Возможно, эту строку Вяземского позднее обыграл Пушкин в «Евгении Онегине», заменив «пел» на «ел» при описании совсем другого носителя халата – пошлого провинциального ленивца Дмитрия Ларина, который «в халате ел и пил».

⁶ Конечно, иногда Вяземский и сам вел себя как дилетант и признавал это не только в автобиографической прозе, но и в лирике. Симптоматично, например, его позднее стихотворение «Игрок задорный, рок насмешливый и злобный...» (*Вяземский П.А. Стихотворения...* С. 408), но все же не стоит преувеличивать последовательность его дилетантизма.

⁷ *Перельмутер Вадим. «Звезда разрозненной плеяды!..»* М., 1993. С. 48-49.

⁸ *Вяземский П.А. Стихотворения...* С. 109.

⁹ См., напр.: *Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810-1826 // Старина и новизна*. Кн. 1. СПб, 1897. С. 74.

¹⁰ Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб, 1899. Т. II. С. 2.

¹¹ *Вяземский П.А. Стихотворения...* С. 109.

¹² Там же. С. 111.

¹³ Там же.

¹⁴ Кстати, мысль, что в 1821 году стихотворение обрело некий «новый смысл», увлекла и Т.Н. Степанищеву. Высказанное же ею мнение, что «Прощание с халатом» только тогда «превратилось в декларацию независимости» (<http://magazines.russ.ru/nlo/2015/132/48l.html>), кажется преувеличением. Хотя можно согласиться, что для автора и знакомых с его жизненной ситуацией читателей подобное восприятие публикации могло усилиться по сравнению с тем, если бы она состоялась ранее.

¹⁵ *Вяземский П.А. Стихотворения*. С. 111.

¹⁶ Там же. С. 339 (выделено автором – И.П.).

¹⁷ В этой связи перспективным (но невозможным в рамках данной статьи) представляется сопоставление рассматриваемого стихотворения Вяземского с разрабатывающими тему философского эскапизма произведениями, о которых в связи с литературными источниками романа «Обломов» писал М.В. Отрадин в книге «Проза И.А. Гончарова в литературном контексте» (СПб, 1994), а также авторы комментариев к роману в 6-м томе полного собрания сочинений и писем (*Гончаров И.А. Полн. собр. соч.: в 20 т., СПб, 2004*).

¹⁸ *Вяземский П.А. Стихотворения*. С. 339.

¹⁹ *Гончаров И.А. Обломов // Гончаров И.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. СПб, 1997. С. 186*. Далее цитаты даются по этому изданию с указанием только страниц.

²⁰ *Вяземский П.А. Стихотворения*. С. 339.

²¹ *Гончаров И.А. Указ. соч. С. 186*.

²² Неясно, кстати, не только то, когда и как Вяземский познакомился с романом «Обломов», но и то, предполагал ли он познакомить Гончарова со своими новыми стихотворными интерпретациями темы халата, которые увидели свет уже после смерти обоих писателей.

²³ *Вяземский П.А. Избранные стихотворения*. М., 1935. С. 377.

²⁴ *Гончаров И.А. Указ. изд. С. 16*.

²⁵ В этой связи, учитывая высокую степень автобиографичности в лирических высказываниях Вяземского, заметим, что едва ли можно согласиться с категоричностью утверждения А.В. Романовой в комментариях к изданию «Обломова» в 2004 г. в академическом Полном собрании сочинений Гончарова в 20-ти томах, что «черты мировоззрения» Вяземского «свойственны герою романа» (т. 6, с. 146). При этом исследовательница ссылается на очерк В.А. Кошелева о Вяземском в книге «Четыре портрета из пушкинской плеяды» (Псков, 1996, с. 27-58), который такой однозначности в оценках, однако, избежал.

²⁶ *Гончаров И.А. Указ. изд. С. 431*.

²⁷ *Вяземский П.А. Стихотворения*. С. 416.

²⁸ *Гончаров И.А. Указ. изд. С. 6*.

²⁹ *Дидро Д. Собр. соч.: в 10 т. Т. IV. М.- Л., 1937. С. 53-54*.

³⁰ *Вяземский П.А. Стихотворения*. С. 416.

³¹ Там же. С. 390.

³² Там же. С. 416.

³³ echo.msk.ru/programs/personalnovash/1911350-echo (дата обращения 31.08.2017). Заметим, однако, что сам Невзоров весьма скептически отзывается о классиках русской словесности, так что с таким сопоставлением может и не согласиться.